

- Gabbert, J.J. 1997: *Antigonos II Gonatas. A Political Biography*. London–New York.
- Gebhard, E.R., Hemans, F.P. 1998: University of Chicago Excavations at Isthmia: II. *Hesperia* 67.1, 1–63.
- Hatzopoulos, M.B. 2003: Quaestiones Macedonicae: lois, décrets et épistates dans les cités macédoniennes. *Tekmeria* 8, 27–60.
- Paschidis, P. 2008: *Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 B.C.)*. Athens.
- Rice, E.E. 1983: *The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus*. Oxford.
- Rigsby, K.J. 1996: *Asyilia. Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Scherberich, K. 2009: *Koinè symmachia. Untersuchungen zum Hellenenbund Antigonos' III. Doson und Philippos V. (224–197 v. Chr.)*. Stuttgart.
- Scholten, J.B. 2000: *The Politics of Plunder. Aitolians and Their Koinon in the Early Hellenistic Era, 279–217 B.C.* Berkeley–Los Angeles–London.
- Tracy, S.V. 2003: *Athens and Macedon. Attic Letter-Cutters of 300 to 229 B.C.* Berkeley.
- Urban, R. 1979: *Wachstum und Krise des Achäischen Bundes*. Wiesbaden.
- Walbank, F.W. 1984: Rev.: Rice, E.E. The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus. *Liverpool Classical Monthly* 9.4, 52–54.

Yuri N. Kuzmin,

Samara Branch of Moscow City University,
Samara, Russia

yurimac@yandex.ru

Ю.Н. Кузьмин,

кандидат исторических наук, доцент
Самарский филиал Московского
городского педагогического университета,
Самара, Россия

Vestnik drevney istorii
76/2 (2016), 477–489
© The Author(s) 2016

Вестник древней истории
76/2 (2016), 477–489
© Автор(ы) 2016

ЭЛЛАДА И РИМ SUB SPECIE COMPARATIONIS

(A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by
D. Hammer. Malden–Oxford: Wiley Blackwell, 2015. XVIII, 531 p.)*

В последние полтора десятилетия в западной (конкретно – в англоязычной) литературе по антиковедению (и не только по нему) получил чрезвычайно большое распространение жанр, который в оригинале означает как «Companion». Кстати, большой проблемой является поиск нужного русского слова, которое адекватно передавало бы данный термин, имеющий метафорическое происхождение. Пока проблема эта не решена. Авторы рецензии неоднократно обсуждали ее и друг с другом, и с коллегами, но искомая лексема так и не найдена. Пособие? Справочник? Вводно-обобщающий курс по теме? Не вполне то... Приходилось слышать от кого-то даже вариант – «компендиум», но это уж явно совсем не то. И притом, нельзя же в переводе давать буквальную кальку, писать «компэньон», или «компаньон»... Это уж означало бы – расписаться в полной собственной несостоятельности, которая, полагаем, все-таки не имеет места. Один из авторов этой рецензии, И.Е. Суриков, даже как-то, выступая перед молодыми учеными, сказал, что несомненно премии будет достоин тот, кто предложит оптимальный вариант¹.

* Работа в части, написанной А.В. Махлаюком, выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-21-20003 «Цивилизационные и кросс-культурные аспекты формирования римского мира в период перехода от республики к принципату», а также частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

¹ На самом деле, может быть, неплохо было бы слово «спутник» (по аналогии с советским «Спут-

Выпуском этих «Companions», охватывающих самые разные сферы античной истории, археологии, литературы, культуры и целый ряд знаковых исторических деятелей (таких, например, как Геродот, Сократ, Цезарь, Нерон, Плутарх, Марк Аврелий), ныне занимаются, фактически конкурируя друг с другом, несколько авторитетных издательств: лейденский «Брилл», издательство Кембриджского университета, «Блэквелл» (который, ввиду смены владельца, стал теперь «Уили-Блэквеллом») и переместил свой головной офис из Оксфорда в американский Мэлден). Именно последним из вышеупомянутых издательств опубликована рецензируемая книга.

Прежде всего необходимо оговорить ее некоторое отличие от всех (или от подавляющего большинства) работ аналогичного жанра. Как правило, «Companion» – коллективный труд, посвященный некой единой (более или менее широкой) теме². В числе авторов такого труда мы, как правило, обнаружим антиковедов самого крупного масштаба (хотя, естественно, и не только их). В то же время книги, выходящие в подобных сериях, демонстративно ориентированы не на специалистов, а на более широкую аудиторию – на обучающуюся молодежь, да и, в общем-то, просто на образованную публику. Это накладывает свой отпечаток на всё – и на более облегченный по сравнению с монографиями и статьями характер изложения (причем по большей части скорее описательный, чем концептуальный), и на большую категоричность суждений, и на сравнительно скудный аппарат, ограничивающийся лишь небольшим количеством ссылок на источники и литературу в тексте, да еще рекомендациями по дальнейшему чтению в конце каждой главы. Иными словами, перед нами в некотором роде популяризация науки; однако же популяризация, осуществляемая в большинстве случаев на весьма высоком уровне: многие издания такого рода небесполезны и для специалистов, представляя содержательное введение в крупную тему через актуальный на текущий момент «срез» современных подходов и достигнутых результатов в изучении тех или иных важных проблем.

Книга, о которой здесь идет речь, имеет определенное несходство со своими многочисленными «сестрами» – в том плане, что, хотя она тоже является тематической, в ней освещены, вопреки традиции, две темы (обозначенные в заголовке), причем в постоянном сопоставлении. Работа имеет, таким образом, выраженно компаративный характер. Так она и задумывалась, что подчеркивает во введении к ней (с. 1–7) ее редактор Д. Хэммер.

Буквально на первой же странице этого введения он оговаривает использование – применительно как к греческим полисам, так и к республиканскому Риму – нового понятия (действительно, раньше оно нам не встречалось): *participatory community*³. Вот опять проблема перевода... «Сообщество участников»? Или даже «соучастников»? (Разумеется, не в смысле «соучастников в преступлении» или чего-то в этом духе, а в том смысле, что это были лица, реально сочувствовавшие общему делу, «жившие» в нем.) Речь идет о так называемом политическом участии – категории достаточно важной, особенно в демократических обществах⁴.

Вот как сам Хэммер определяет (с. 2) тот тип сообщества, который он хочет описать: в нем «политика не представляется исключительной зоной некой небольшой группы, а предполагает законность важных политических результатов, принятых в какой-то степени с широким участием». В сущности, речь идет о том, управляет ли государством народ в целом или элита, контролируемая народом⁵. У нас в таких случаях принято прибегать к противопоставлению «прямая демократия – представительная демократия». Если же прибегнуть к описательному толкованию предложенного термина, то ясно, что речь идет о таких общинах (сообществах), которые основаны на самоорганизации и самоуправлении, а не находятся под внешним правлением либо под властью немногих членов того же коллектива, пол-

ником агитатора» можно говорить о «спутнике антиковеда»); но к этому нужно будет привыкнуть.

² В числе «охваченных» тем, кстати, присутствует и Римская республика: ей посвящены Блэквелловский Companion под редакцией Н. Розенштейна и Р. Морстейн-Маркса (Rosenstein, Morstein-Marx 2006) и Кембриджский под редакцией Х. Флауэр, совсем недавно вышедший вторым изданием (Flower 2014).

³ Иногда, правда, используется близкое понятие *participatory democracy*, которое, однако, было бы неверно отождествлять с «непосредственной демократией» (Arnason, Raaflaub, Wagner 2013, 13). Данное понятие относится и к Греции, и к республиканскому Риму (см., например: Ober 2009, 83; Cartledge, Edge 2009, 149, 151; Hopkins 2009, 179; Scheidel 2009, 290; оно в ходу и у авторов недавнего коллективного труда по греческому полису и демократии: Arnason et al. 2013, 57, 163 ff., 176). Примечательно, что в недавней диссертации, посвященной участию рядовых граждан в политической жизни поздней Римской республики не использовано ни то, ни другое понятие (Early 2009).

⁴ Применительно к Греции см. Sinclair 1991; Mossé 2013.

⁵ Весьма спорные рассуждения, согласно которым только в последнем из этих двух случаев можно говорить о демократии, а стало быть, античная прямая демократия вообще не может считаться демократией (см. Kudryavtseva 2008, 425 слл.).

ностью монополизировавших властные функции. Поэтому participatory community можно, наверное, перевести в некоторых случаях как самоуправляемая община или сообщество сопричастных делам правления граждан, имея в виду, что степень соучастия общинников в этом самоуправлении очень сильно различается, но тем не менее оно (соучастие) является конституирующим (пусть иногда и формальным) признаком, принципиально отличающим подобные сообщества от других коллективов.

Так или иначе, именно понятие participatory community является, по замыслу редактора, главным *tertium comparationis* для греческой демократии и римского республиканизма.

Далее следует, по сути, второе введение – написанная Д. Констаном глава «Прочтение прошлого (о сравнении)» (с. 8–19). Если Хэммер сконцентрировался в основном на том, что общего между греческими демократическими полисами и Римской республикой, то Констан, напротив, делает наблюдения о различиях, акцентируя контраст между греческой (в основном, конечно, афинской⁶) эгалитарностью и римской иерархичностью, между греческой *δημοκρατία* и римской *res publica*. Справедливой представляется его точка зрения, что подчас интересно находить не только общее в разных обществах, но и различное в обществах, по видимости, весьма схожих. «На самом деле, Греция и Рим, возможно, различаются более радикально, чем Рим и древняя Персия или Афины и Карфаген» (с. 8). Сказано сознательно-провокационно, но подумать есть о чем.

В статье Д. Констана, в сущности, подытожены основные результаты, к которым пришли авторы последующих глав.

Эти главы основной части книги характерным образом построены в парном порядке. Две главы составляют часть (part), и таких частей – 14. Правда, последнюю из них целиком занимает заключение, написанное тоже Д. Хэммером. В остальных же 13 частях соответственно 26 глав: в каждом случае одна по Греции и одна по Риму. Как указано в двух введениях, была организована солидарная работа парами: авторы «греческой» и «римской» глав каждой части еще на стадии рукописи обменивались материалами, согласовывали мнения друг с другом и т.п. В большинстве случаев (но не всегда) это действительно чувствуется.

Заглавие первой части – «Возникновение сообществ участников» (с. 21–64). Ее «греческая» половина написана К. Раафлаубом, автором многочисленных трудов о демократии в эллинских полисах (в том числе классической монографии о ее политической идеологии⁷), который вместе с тем плодотворно занимался и римской историей. Начинает свое изложение он следующими, в основном вполне справедливыми суждениями: «Афинская демократия являлась наиболее радикальной в смысле реализации идеи эгалитарного, предусматривающего участие граждан; она не имела параллелей в античном мире, и после ее гибели в конце IV в. до н.э. она не была превзойдена еще на протяжении более двух тысячелетий» (с. 23). Однако, как представляется, здесь уже присутствует подспудное сравнение с реалиями нашей современности, а в том, что такое сравнение правомерно и плодотворно, нет полной уверенности.

К. Раафлауб указывает, что уже в самом феномене полиса весьма силен эгалитарный (и тем самым прото-демократический, «исономический») элемент⁸, но в разных условиях он получал неодинаковую степень развития (хотя определенный дух эгалитаризма уже ощутим даже в «Илиаде» Гомера и, скажем, в «Великой ретре» – основном законе ранней Спарты⁹). Дальше всего продвинулись по этому пути Афины, и исследователь поэтому наиболее подробно останавливается на их истории, выделяя в качестве главных этапов демократизации законодательство Солона, реформы Клисфена и, наконец, преобразования Эфиальта и Перикла в конце 460-х и в 450-х годах до н.э.¹⁰

Завершает он сопоставлением греческого полисного устройства с римским, выделяя следующие пять «пунктов расхождения» (с. 37): 1) греческое было куда более эгалитарным (в частности, голосование в его рамках было индивидуальным, а в Риме – групповым¹¹), в результате чего «в Риме были

⁶ Необходимо оговорить, что авторы «греческой» части рецензируемой книги апеллируют в подавляющем большинстве случаев к реалиям Афин (примеры, относящиеся к другим полисам, составляют лишь незначительное меньшинство). От этого, видимо, никуда не деться – в силу самой источниковой ситуации; но все-таки всегда нужно держать в памяти, что Афины не есть вся Греция, они даже не типичны для Греции.

⁷ Raaflaub 1985.

⁸ Мысль, которую особенно настойчиво подчеркивает И. Моррис (например: Morris 1987; 1992; 2004).

⁹ «Первой известной нам полисной конституцией» называет «Великую ретру» К. Раафлауб (с. 28).

¹⁰ Подробнее об этих «трех веках» см. Raaflaub, Ober, Wallace 2007.

¹¹ Чрезмерно категоричное противопоставление. В Греции тоже известны примеры группового голосования (например: Buck 1990).

граждане, но он так и не стал государством граждан»; 2) даже самая крайняя греческая олигархия или аристократия не может быть уподоблена по степени элитарности Римской республике с ее сенаторским сословием¹²; 3) в Греции социальные проблемы снимались путем гражданской смуты, деятельности законодателей и прочих чисто внутренних мер¹³, а в Риме – за счет внешних завоеваний и эксплуатации побежденных; 4) Рим в тот период, когда формировалась Республика, постоянно сталкивался со вражескими угрозами, а Греция как бы «варилась в собственном соку» вплоть до персидской экспансии в Эгеиде, а к тому времени полисы уже сложились¹⁴; соответственно, у эллинов было меньше нужды в сильном аристократическом лидерстве; 5) Рим был открыт для интеграции новых групп, а греческие полисы строго охраняли привилегии граждан.

На этой главе мы остановились особенно подробно – ввиду высказываемых в ней очень принципиальных и далеко не всегда бесспорных выводов. О дальнейших работах, вошедших в рецензируемую книгу, будет говориться более суммарно.

М. Фронда в «римской» главе останавливается на исторических предпосылках и контексте возникновения в Риме республиканского правления, прослеживает основные этапы формирования ранней римской государственности с царского периода до завоевания Италии. Трактую установление Республики ок. 509 г. до н.э. как политическую революцию, он отмечает, что она не привела к радикальному изменению правящего класса – крупных аристократических кланов, включая этрусские семейства, и с самого начала определяющими чертами римского республиканизма стали относительно слабые народные собрания, сохранившие коллективное голосование (восходящее, вероятно, к ранним собраниям, представлявшим собой советы отдельных кланов), влиятельный аристократический сенат и сильные магистратуры. Однако способность правящего класса к политическим компромиссам, его готовность к уступкам, объясняемая весьма напряженными межгосударственными отношениями в архаической Италии и внешним давлением на Рим, позволила римлянам решить внутривластные проблемы без насилия и коренной перекройки политической иерархии, найдя при этом возможности для горизонтальной и вертикальной интеграции аутсайдеров, что в сочетании с экономическими преимуществами и определенными социальными мерами было достаточно для поддержания сплоченности общества.

Вторая часть – «Конструирование прошлого» (авторы: К. Морган по Греции, М. Йегер по Риму; с. 65–98) – содержит исключительно важное наблюдение. Одной из основ «афинского мифа» являлось представление об автохтонности жителей Аттики; именно импликациями этого представления являются, с одной стороны, эгалитаризм (все афинские граждане – «дети Афины»¹⁵ и уже тем самым равны между собой), с другой же, – так сказать, эксклюзивность (чужак, не являясь автохтоном, не может быть поэтому принят в общину на равноправных условиях). В резком контрасте с этим «римский миф» – миф пришельцев-беженцев (Эней) и даже людей чуть ли не безродных (Ромул с присными), в котором акцентировалось сочетание личного выбора, божественного вмешательства и, самое главное, привязанности к месту; отсюда и роль сельскохозяйственных занятий и привычек, включая производство и потребление продуктов питания как выражение римских ценностей, на чем сосредоточивает внимание М. Йегер, рассматривающий роль в конструировании «римского мифа» таких фигур, как Катон Старший и Цинциннат. Если греческая идентичность связывается с автохтонностью, то римская, как стремится показать Йегер, – с земледелием (что видно уже из названий глав), ибо римский земледелец производит пищу, производит тексты (Катон) и обеспечивает себе ту независимость, которая делает его любовь к отечеству истинной и бескорыстной (с. 97).

В третьей части – «*Dēmokratia* и *res publica*» (авторы: В. Фаренга по Греции, М. Шофилд по Риму; с. 99–127) – речь заходит о таких вещах, как свобода, равенство, власть в контексте политического дискурса. Применительно к эллинскому миру Фаренга верно констатирует (с. 104), что уже в начале VIII в. до н.э. в нем сложились и полисы¹⁶, и так называемые

¹² Это уже отмечалось: Runciman 1991, 364.

¹³ Но также и путем колонизации, о чем К. Раафлауб здесь не упоминает (видимо, потому, что это смягчало бы чрезмерную категоричность и этого противопоставления).

¹⁴ И опять передержка. Уже с архаической эпохи вражеской угрозой для греческих полисов были другие такие же полисы. Ведь войны между ними шли почти непрерывно.

¹⁵ Loraux 1981. В этой монографии идея автохтонности рассмотрена наиболее полно.

¹⁶ С этим не все согласятся; есть те, кто считает, что полис – продукт несколько более позднего развития. Однако же налицо следующий факт: уже в первой половине VIII в. до н.э. (ближе к ее концу) началась Великая греческая колонизация, и основанные колонии с самого начала являлись полисами. Этого не было бы, если бы в метрополии на тот момент не имелся феномен полиса (хотя бы *in statu nascendi*). Нам кажется, указанное недоразумение связано с неучетом необходимости различения между архаическим полисом и классическим полисом (в связи с этой типологией см. Surikov 2010; 2013) и, соответственно, между двумя «архаическими революциями», относящимися,

«этноты»¹⁷. Естественно, автора интересуют в основном первые. Он рассматривает эволюцию их политических систем – от примитивной монархии («Власть басилея стала первой “жертвой” новой формулы государственного устройства», с. 104) к олигархии («Большинство государств архаического периода, – по крайней мере, до VI в. до н.э. – являлись олигархическими»¹⁸, с. 104) и в конечном счете к демократии (демос принял на себя все полномочия, когда-то бывшие прерогативой басилея). Подчеркивается роль введения письменных сводов законов в этом процессе¹⁹. В заключение, согласно принятой в данном издании традиции, проводится сравнение с принятой в Риме практикой и утверждается, что в Греции не было чего-либо подобного римскому сенату, «уникальной группе достойных», которая сберегала и передавала будущим поколениям *auctoritas maiorum* (с. 110).

М. Шофилд, указывая на ряд параллелей с греческим пониманием свободы и равенства, подчеркивает и ряд существенных отличий в римском политическом дискурсе (преимущественно позднереспубликанского периода). В частности, равная свобода в глазах плебса и его протагонистов не означала, что каждый отдельный гражданин должен иметь одинаковые с другими права в частной сфере, но подразумевала, что все они как целое наделены политическими правами, защищенными законом: понятия *ius aequum* и *leges aequae* прилагались равно и к социальным группам, и к индивидам (с. 118, 125). При этом свобода римского народа и идея *res publica* относились к общим ценностям, и поэтому, как не без преувеличения замечает Шофилд, борьба между плебсом и сенатом больше походила на семейные споры и разрывы. Не было у греков характерно римского чувства иерархии, проявлявшегося в строгом *cursus honorum*, в составе и процедурах центуриатных комиций.

Четвертая часть книги имеет характерное название «Учреждения» (с. 129–163). Ее «греческая половина» принадлежит П. Родсу – уж кого, как не его, можно назвать одним из тончайших в современном антиковедении (наряду с М. Хансеном) знатоком древнегреческих (преимущественно афинских) политических институтов? Он характерно озаглавил свою главу «Конгруэнтность власти» (а соответственно, его «римский» визави Х. Муритсен – «Неконгруэнтность власти»). Впрочем, данный текст Родса показался нам несколько описательным – хотя, конечно, не лишенным верных наблюдений (например, о том, что греческая полисная система магистратур не предполагала, в отличие от римской, какого-то *cursus honorum*, с. 136). Завершает Родс словами: «В то время как Рим абсорбировал новые и новые общины, переходившие под его контроль, так что теория города-государства, управляемого гражданами, всё более отрывалась от реальности, – греческие государства оставались государствами граждан (*citizen-states*), с учреждениями, отражавшими эту фундаментальную характеристику» (с. 144).

Подхватывая этот вывод коллеги, Х. Муритсен в начале своей главы, насыщенной интересными суждениями в связи с давней, но по-прежнему не завершенной дискуссией о демократизме Римской республики²⁰, обращает внимание на две главные трудности сравнения греческих и римских институтов. Во-первых, приходится сравнивать один город-государство, разрастающийся по мере поглощения других городов, с некой общей полисной культурой, в рамках которой хорошо документированы источниками отнюдь не самые типичные полисы. Во-вторых, нельзя не учитывать диахронический аспект сравнения, поскольку Римская республика за 500 лет своей истории не оставалась неизменной, да и сами римляне считали динамичность своей политической системы ее существенной особенностью и сильной стороной, причем на соответствующие представления о римском прошлом могли повлиять сравнения с греческим опытом (с. 146). Муритсен, развивая положения, высказанные в его монографии²¹, прослеживает механизмы доминирования в римских политических институтах (магистратурах, сенате, комициях) знати и, в частности, подчеркивает, что *populus* был весьма формализованным вариантом гражданского коллектива, располагал немногими средствами для осуществления власти, которая ему по идее принадлежала; значительная его часть была *de facto* лишена гражданских прав, но это не означает тем не менее, что политическая элита образовывала са-

соответственно, к первой и ко второй половинам эпохи архаики (Snodgrass 1981).

¹⁷ О которых см. прежде всего: Morgan 2003.

¹⁸ Мы бы сказали даже – и по VI в. до н.э. включительно. Э. Робинсон собрал буквально весь имеющийся материал по «ранним», архаическим демократиям (Robinson 1997), и даже полная сумма этого материала оказалась не слишком впечатляющей.

¹⁹ Дается ссылка на: Gagarin 2005. Пожалуй, более уместными были бы ссылки на: Gagarin 1986; 2008.

²⁰ Начало этой дискуссии, стимулировавшей плодотворную разработку новых подходов к исследованию политических институтов и политической культуры Римской республики, было положено еще в середине 1980-х годов работами Ф. Миллара и особенно его книгой: Millar 1998. Об этих дебатах см. Smyshlyaev 2003; Smyshlyaev, Odegova 2006; Early 2009, 1–22; Tatum 2009.

²¹ Mouritsen 2001.

модостаточную олигархию, поскольку так или иначе подчинялась практическим и идеологическим императивам, требовавшим считаться с интересами и взглядами рядовых граждан; поэтому невозможно дать однозначный ответ на вопрос, насколько далеко простиралась реальная «власть народа», нужно учитывать, как соотносились действия институтов с интересами народа в каждый конкретный момент (с. 158). Одна из слабостей республиканской «конституции» заключалась, по мысли Муритсена, в сугубой неконгруэнтности, несоответствии между реальной и формальной властями. Первая зависела прежде всего от соблюдения неписанных правил и традиционных условностей, которое было возможно лишь при сплоченности и групповой дисциплине правящей элиты, укорененного почтения к древним традициям и обычаям. Когда же эти «скрепы» ослабли в условиях усилившейся состязательности и внешнего давления, у республиканской элиты не оказалось достаточных средств для поддержания существующего политического порядка, и Республика осталась беззащитной против постепенного упразднения, которое можно было осуществить вполне законными средствами, тогда как для ее сохранения приходилось прибегать к «неконституционным» методам (с. 160).

Далее следует пятая часть – «Право» (авторы: Д. Коэн по Греции, К. Уильямсон по Риму; с. 165–192). Она, как нам показалось, относится к тем частям, в которых главы мало согласованы друг с другом. Впрочем, может быть, это вызвано объективными обстоятельствами. Древнегреческое право, «право без юриспруденции»²², действительно весьма трудно рассматривать в прямой корреляции с правом римским, сложившимся в рамках общества, в котором юриспруденция, впервые в мировой истории возникнув, достаточно быстро достигла высочайшего уровня.

Д. Коэн в своей главе говорит, собственно, именно о чем-то подобном: «В Афинах не было юристов или хотя бы отдаленного подобия юристов, а риторы подошли к ним ближе всего» (с. 168)²³. В Афинах каждый гражданин – потенциальный толкователь права; весь характер правового процесса в этом полисе (как, заметим, и в других греческих государствах) характеризовался подчеркнутым непрофессионализмом, «любительством» (*amateurism*, с. 169). Законы, в конечном счете, принадлежали народу, а не наоборот; знаменитая идея «власти закона», сформировавшаяся в Афинах в IV в. до н.э.²⁴, фактически являлась некоей правовой фикцией²⁵.

К. Уильямсон, очерчивая эволюцию права в контексте соучастия, обращает внимание на специфически римские черты той правовой системы, которая, по словам автора, была гораздо динамичнее греческой и формировалась благодаря постоянно поддерживаемому балансу между римским народом и сенатом, в чем и заключалась наиболее уникальная особенность римской общины (с. 180). В целом же своеобразие римской юридической системы состояло в разделении функций формулирования права и определения фактов в каждом данном деле, что не позволяло магистратам злоупотреблять своими судебными полномочиями и в то же время давало римским гражданам возможность реально влиять на право и правовые процедуры (с. 185, 191).

Шестая часть книги именуется «Социальные ценности» (авторы: Н. Фишер – по Греции, В. Арена – по Риму; с. 193–238). Глава, принадлежащая Н. Фишеру, достаточно описательна; в ней говорится, в конечном счете, о том, «как социализация, неформальные взаимодействия и участие в празднествах – всё это вносило вклад в политический консенсус...» (с. 196). В. Арена, автор недавно опубликованной интересной монографии о римской *libertas*²⁶, вопреки распространенному мнению о незыблемом консерватизме «нравов предков», обеспечивавшем подчиненность граждан элите²⁷, акцентирует внимание на гибкости, подвижном и разнообразном содержании понятия *mos maiorum* как основы поведенческих моделей и ценностей, которые подчас подвергались диаметрально противоположным истолкованиям, способствовавшим изменениям в обществе, причем в этом дискурсивном процессе немаловажную роль играл сам римский народ. В противоположность греческому обычаю, римские *more*s регулировали все аспекты жизни гражданина, а *regimen morum*, осуществляемый цензорами, обеспечивал римскую элиту механизмом самоограничения и легитимации власти (с. 234).

Автором «греческой» половины седьмой части – «Отношения власти и политические группы» (с. 239–273) – является Р. Уоллес, известный специалист по афинским институтам²⁸. Он здесь в основном развивает тот (для нас совершенно очевидный) тезис, что до 440-х годов до н.э. роль аристо-

²² Jones 1956, V.

²³ В любом случае не стоит уподоблять афинских раторов римским юристам. У греческого ῥήτωρ в Риме, естественно, имеется аналог – orator. Но кто поставит знак равенства между оратором и юристом?

²⁴ На эту тему написано немало. Наиболее подробно см. Ostwald 1986.

²⁵ Это верно. См. характерный пассаж: Demosth. XXI. 224.

²⁶ Arena 2012.

²⁷ Дается ссылка на Jehne 2000 и Flaig 2003.

²⁸ Особенно важна его монография об ареопаге (Wallace 1989).

кратической элиты в политической жизни афинской демократии была еще довольно значительной, а с 430-х годов до н.э. резко снизилась. С этого момента демократия достигла своего полного развития, и, как нарочно, именно тогда же появились демагоги, принимаемые под их влиянием непродуманные решения и т.п. Уоллес обозначает это как «демократический парадокс» (с. 248). Завершает ученый свой текст словами: «Ни одно греческое правительство, демократическое или олигархическое, не шло ни в какое сравнение с римским сенатом» (с. 254). Обратим внимание: эта мысль нам выше уже встречалась. Вообще говоря, следует с некоторой досадой констатировать наличие немалого числа повторений одних и тех же концептуальных положений в главах различных авторов, ставших участниками рецензируемого тома. Мы упоминаем лишь единичные из таких повторов, на самом деле их гораздо больше, как в оценках, так и в изложении событийной стороны дела. Здесь есть какая-то недоработка редактора-составителя книги.

Если в «греческой» главе акцент делается на парадоксе демократического лидерства, то в «римской» главе, написанной Дж. Татумом, как явствует из ее заглавия, внимание сосредоточено на «непредсказуемой динамике влияния (clout)». Речь идет прежде всего о римской знати, которая, по определению Татума, была по своему происхождению и характеру аристократией политической, аристократией не по рождению, но по должности; она состязалась за престиж — *dignitas*, используя прежде всего такое средство, как *gratia*, т.е. в данном контексте «влияние, вес», с которым связано непреходящее значение семейной и личной репутации, военной славы и прочих аристократических ценностей.

В восьмой части речь заходит о риторике; соответствующим образом эта часть и называется (с. 275–309). В ее «греческой» половине Дж. Ройсман ограничивает себя тем, что подробно разбирает по одному из памятников, относящихся к каждому из трех родов красноречия, выделявшихся античной риторической теорией: эпидиктического («Эпитафий» Демосфена)²⁹, политического («Первая филиппика» того же Демосфена), судебного («В защиту Мантифея» Лисия). В заключительных фразах главы подчеркивается — уже далеко не в первый раз в рамках рецензируемого труда — реальная гегемония демоса, а не элиты, в Афинах (по контрасту с Римом), которая отражалась и на риторических стратегиях.

В «римской» главе Р. Морстейн-Маркс, чьи работы, в частности, книга 2004 г., во многом по-новому высветили роль ораторского искусства в политической культуре и практике республиканского Рима³⁰, ставит принципиальный вопрос: какая роль отводилась гражданам (а не senatorской элите) в практике римского публичного красноречия? Отвечая на него, он рассматривает типологию, аудиторию и места выступления ораторов, подчеркивая, что «большой сценой» для последних была в первую очередь сходка граждан (*contio*), которая, будучи главным местом коммуникации между элитой и гражданским коллективом, выполняла ключевую функцию по скреплению воедино потенциально разделенной общины (с. 296). В отличие от Х. Муритсена, Морстейн-Маркс полагает, что нет оснований отрицать именно «народный» состав участников сходок, а учитывая многочисленность случаев, когда народное собрание отвергало сенатские законопроекты, нельзя недооценивать сопротивляемость простых граждан авторитету правящей элиты. Характеризуя публичное красноречие как тигель, в котором выплавлялась «республиканская идеология» (с. 303), автор особо отмечает, что в Риме, по сравнению с греческими демократиями, публичные речи создавали совершенно иные отношения между оратором и народной аудиторией. Как бы римские сенаторы ни льстили народу, на словах полностью подчиняя себя его воле и интересам, они выступали с позиций авторитета, основанного на понимании политики и прежней службе на благо Республики, хотя такая сугубо иерархическая ситуация не подавляла полностью независимость действий плебса (с. 306–307). Несколько странно, однако, звучит утверждение автора о том, что невозможно представить себе сенатора, пытающегося дать дурной совет, как это могло быть в случае с афинским ритором (с. 307).

Девятая часть труда озаглавлена «Глобальные контексты (авторы: С. Болмарсич — по Греции, К. Чемпион — по Риму; с. 311–345); иными словами, речь в ней заходит о внешнеполитических вопросах. Болмарсич начинает с того, что «греческий полис не просто состоял из отдельных ойкосов, он сам был более крупной версией ойкоса» (с. 313). Но только на внутривнутриполитическом уровне, а вот на внешнеполитическом для эллинов вообще нельзя говорить о понятии «сообщества участников» («*participatory community*»). В Греции вообще не было «международного сообщества», дела между государствами велись на основе чисто индивидуальных ценностей (таких, как свобода), и в этом тоже большое различие между греческим полисным миром и Римом.

²⁹ Demosth. LX. Принадлежность этой речи Демосфену, случалось, оспаривалась, но, видимо, все-таки верно мнение о ее аутентичности, высказывавшееся еще в ст.: Sykutris 1928.

³⁰ Morstein-Marx 2004. Данная тема пользуется в последнее время особым вниманием исследователей. См., например: Connolly 2007; Steel, Blom 2013.

К. Чемпион обращается в своей главе к широкому кругу вопросов, связанных прежде всего с воздействием внешней экспансии Римской республики на положение граждан (включая тех, которые оказывались за пределами Италии) с точки зрения их сопричастности делам правления и стремится показать обусловленность имперской траектории социальными ценностями римской аристократии³¹, при том, что корни римского империализма, отличавшегося исключительно авторитарным и патерналистским отношением к подвластным, следует искать в жестоком и враждебном мире межгосударственных отношений, в котором обстановка на периферии часто складывается таким образом, что практически неизбежным становится вмешательство могущественного центра и расширение его власти³².

Для десятой части книги «Экономическая жизнь» (с. 347–385) «греческую» главу написал, как, в общем-то, и ожидалось, Д. Тэнди, который сейчас является одним из лучших в мировом антиковедении экспертов по древнегреческой экономике³³. Впрочем, откровенно говоря, именно этот его текст нас несколько разочаровал. В нем говорится не столько об экономике как таковой, сколько об экономической политике греческих полисов, в частности, о связи афинского «империализма» с экономическими вопросами. Завершает автор сравнением по пунктам (с. 364): 1) афинский империализм был обусловлен угрозой со стороны единственной иноземной державы, Персии, и единственной же греческой державы, Спарты; 2) афинская империя (т.е. Афинская архэ в привычном нам словоупотреблении) была значительно меньше Римской; 3) каким бы значительным центром торговли ни были Афины, всё же они, оставаясь полисом, стремящимся сохранить свою идентичность, не инкорпорировали иные экономики. Не скроем, мы все-таки ожидали не столь тривиальных выводов.

В «римской» главе Л. де Лигта описываются трансформации в производстве, торговле и потреблении с акцентом на тех институциональных и неинституциональных действиях («enactments»), посредством которых политическая элита республиканского Рима реагировала на открывавшиеся экономические возможности. Рассматривается также вопрос о том, в какой степени высшие сословия были готовы делиться хотя бы частью материальных выгод, получаемых благодаря экспансии. Можно отметить вывод о том, что имеющихся в настоящее время данных недостаточно, чтобы говорить об общем росте потребления среди большей части римско-италийского населения в последние два века до н.э. (с. 378). Заслуживает внимания и мысль о неслучайном совпадении по времени (180–10-е годы до н.э.) издания законов против роскоши и *de ambitu*. Это может указывать на стремление законодателей обуздать два типа действий (упрочение политической дружбы и взятки на выборах), направленных на конвертацию материального богатства в политическую поддержку (с. 381).

Следующая, одиннадцатая часть труда озаглавлена замысловато – «Дискурсы включения и исключения» (с. 387–427). Но, конечно, уже из названия составляющих ее глав можно понять, о чем пойдет речь – о приниженных категориях населения, женщинах и рабах. Авторы «греческой» половины этой части (Р. Бейлот и Л. Эткисон), пожалуй, можно поблагодарить за то, что они не попали в плен столь модной ныне «гендерной» (по сути своей – феминистской) идеологии, а напротив, попытались показать (на материале драм, ораторских речей, философских трудов), что традиционная «маскулинность» греческого полиса³⁴ постоянно ставилась под вопрос (как и ровно все остальное ставилось под вопрос в рамках эллинского «сообщества участников»³⁵). Собственно гендерные аспекты никак не акцентируются и в «римской» главе, принадлежащей перу Р. Стюарт. Вопреки названию главы «Женщины и рабы в Римской республике» о первых автор почти не упоминает, зато подробно, опираясь на материалы своей недавней книги³⁶, разбирает дискурс о рабах в комедиях Плавта и приходит к довольно туманному выводу (на наш взгляд, мало связанному и с изложенным анализом, и с проблематикой *participatory community*), что широкий круг литературных текстов и контекстов функционировал как некое сопровождение (а *concomitant*) правительственной политики и социальной практики по производству и поддержанию тех дискурсов, которые создавали гражданина и раба (с. 421).

В двенадцатой части книги (с. 429–458) изложение переходит к «развлечениям» (*entertainment*); однако, как видно из заголовков вошедших в нее глав, в действительности рассматривается только театр (трагедия и комедия). Применительно к Греции К. Сидуэлл доказывает (как нам показалось, с излишним старанием, ибо вещь и так очевидна) политический и личностный характер афинских

³¹ Эта идея прижилась в исследованиях римского империализма начиная с классической работы У. Харриса (Harris 1979). По проблематике римского империализма см. Hoyos 2013.

³² Здесь автор следует своей идее, высказанной в одной из статей: Champion 2007.

³³ См. его действительно очень хорошую, интересную (хотя, естественно, и не бесспорную) книгу: Tandy 1997.

³⁴ Эта «маскулинность», бесспорно, имела место. См. Surikov 2006; 2007.

³⁵ Surikov 2012, 165 ff.

³⁶ Stewart 2012.

драм³⁷, содержание которых находилось лишь под слабым и спорадическим контролем со стороны государства. Ш. О'Брайхм, анализируя политические функции римского театра, обращает внимание на социальные, материальные и правовые аспекты его организации и убедительно трактует театральные зрелища как эффективное средство, позволявшее правящему классу обеспечивать свою власть через влияние на народное мнение, выяснить которое к тому же позволяли реакции публики на спектакли. Римские аристократы использовали одни элементы театрального дела, чтобы повысить собственный престиж и привлечь голоса избирателей, другие же стремились регулировать таким образом, чтобы не допустить нарушения гражданского порядка и традиционных правил политической игры (этим мотивом, в частности, автор объясняет долгое отсутствие в Риме постоянных театральных зданий). Главное отличие римского театра от греческого, по мнению О'Брайхима, заключалось в том, что в Риме лишь немногие драматурги отваживались включать в свои пьесы явное политическое содержание; не они работали на отдельных политиков или политические группы, но сами политики политизировали театральную продукцию (с. 455).

Что касается тринадцатой части, «Зрительная культура» (с. 459–499), то вошедшую в нее «греческую» главу, принадлежащую перу Т. Хёльшера, мы назвали бы подлинным украшением всего рецензируемого труда. Ученый глубоко и ярко ставит и рассматривает вопрос о соотношении политической системы афинской демократии и расцвета изобразительных искусств в классических Афинах³⁸. Свой ключевой, мы сказали бы, тезис он формулирует так: «Не было “демократических архитектуры и искусства”, а было активное использование архитектуры и искусства демократией и для демократии» (с. 478). Впрочем, не имеет смысла даже и пытаться в рамках одного абзаца пересказать содержание чрезвычайно интересной и важной работы; мы лучше порекомендуем читателю обратиться непосредственно к ней самой.

Напротив, «римская» глава, написанная Э. Перри, скорее разочаровывает своей описательностью и отсутствием оригинальных суждений. В итоговом выводе, который делает автор (с. 497–498), остается некое не разъясненное противоречие. Отмечая чуждость римлянам понятия исономии, Перри, с одной стороны, указывает, что римская визуальная культура не столько затушевывала, сколько усиливала различия в статусе; с другой же стороны, значительная часть изобразительного искусства и архитектуры Рима служила объединению римлян, создавая чувство общей идентичности в сфере римского влияния.

Четырнадцатая часть, как уже отмечалось выше, – это заключение, озаглавленное «Сообщества соучастия в компаративном осмыслении» (с. 501–519). В нем Д. Хэммер, в сущности, суммирует то, что было сказано выше другими авторами книги, но, впрочем, высказывает и некоторые новые соображения. Например, он сравнивает римскую *libertas* с греческой *ἐλευθερία*. «У греков свобода возникает как самоутверждение против внутренней тирании, а затем, в течение Персидских войн, расширяется до претензии на государственный суверенитет... У римлян свобода возникает как реакция против царей (и дальнейшего олигархического управления), имевшая место в большей степени в сфере внутренней политики... В обоих случаях свобода ассоциируется с правовым статусом гражданина, демонстрирующим, что человек не является рабом» (с. 505).

Первемся для небольшого комментария. Выше уже отмечалось, что одной из главных черт, характерных для такого жанра, как «Companion», является упрощенность изложения. Упрощенность эта удобна до известного предела; но когда она начинает уже приводить к неверному описанию действительности прошлого, сие не есть хорошо. Зачем так грубо связывать древнегреческое понятие свободы (*ἐλευθερία*) обязательно с борьбой против тирании? Да, мы согласимся с тем, что *ἐλευθερία* – понятие в основном внутривнутриполитическое, в отличие от *αὐτονομία*, внешней независимости, государственного суверенитета. Однако же у греков термин *ἐλεύθερος* («свободный») все-таки не коррелирует напрямую с тираническим или не-тираническим устройством государства³⁹. Относительно же римлян тоже хотелось бы сказать, что, например, *civitates liberae* – уж точно не вполне внутривнутриполитическое понятие.

³⁷ Об этом много писалось, особенно в связи с комедией V в. до н.э. См. хотя бы: Storey 1998; Stark 2002.

³⁸ Отчасти опираясь на выкладки, сделанные им в более ранней, тоже очень привлекательной работе: Hölscher 1997.

³⁹ Отмечалось (Benveniste 1995, 212 ff.), что греч. *ἐλεύθερος* коррелирует с нем. *Leute*, рус. «люди». Здесь мы имеем «свободу» как принадлежность к некоему коллективу в качестве полноправного его члена. Перед нами ярко выраженная «свобода для», а не «свобода от», позитивная, а не негативная свобода. Этой проблематикой много занималась Ханна Арендт, и вполне закономерно, что заключение Д. Хэммера пестрит ссылками на ее работы.

Еще одна чеканная (и на сей раз совершенно верная) формулировка Хэммера: «В отличие от Рима, где политическое неравенство отражало социальное неравенство, в Афинах социальное неравенство находилось в драматическом контрасте с политическим равенством» (с. 506).

В очередной раз речь заходит о греческом эгалитаризме и римском иерархизме, о греческой «эксклюзивности» в плане абсорбции новых элементов и римской «инклюзивности» в том же плане, а кроме того, автор заключения пытается под конец как бы «преподать урок» современным демократиям, указав на те негативные черты, которые присутствуют в них, но не были свойственны демократиям античным. Намерение, допускаем, благое, но, кажется нам, бесполезное, коль скоро полиса не возродить.

Подведем некоторые итоги. Коллективный труд, который был здесь нами отрецензирован, может быть (несмотря на недостатки, отмеченные выше) все-таки признан достойным вкладом в историографию античности. Во-первых, налицо большая информативность книги. Тот, кто впервые сталкивается с подобными сюжетами, узнает из нее очень много. Ее структура не ограничивается только сугубо политической сферой, но включает в сравнительное рассмотрение двух ключевых для античной цивилизации феноменов – эллинской демократии и римского республиканизма – социокультурные, экономические, идеологические и художественные элементы, образующие в своей системной совокупности цивилизационное двуединство античного мира. На этом фоне даже повторы не слишком-то раздражают: в конце концов, *repetitio est mater studiorum*. Невключение же в поле зрения ряда, казалось бы, напрашивающихся сюжетов, таких как, политическая мысль, атлетика и гладиатура, военное дело, в общем-то оправдано не только ограниченностью объема, но и наличием недавних обобщающих трудов⁴⁰.

Во-вторых, сравнительный подход, которого достаточно последовательно придерживаются авторы работы, безусловно, приносит свои плоды. Яснее становятся как то общее, что было между греческими полисами и республиканским Римом, так и различия между ними – различия весьма существенные, порой контрастные, а главное, имеющие системный характер. Так, нежелание греков абсорбировать «чужаков» было тесно связано с эгалитаризмом их политий, а иерархизм римлян, напротив, делал их несравненно более терпимыми в данном плане и, кстати, приводил тем самым к росту государства, в то время как эллинские полисы как бы «законсервировались» в своих размерах.

Очевидно также, что те конкретные идеи и оригинальные подходы, которые получили отражение на страницах рецензируемого труда, невозможно игнорировать ни в учебных курсах, ни в дальнейших исследованиях по истории Древней Греции и Рима (как это порой имеет место в отечественной историографии⁴¹).

Литература / References

- Arena, V. 2012: *Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge.
- Arnason, J.P. et al. (eds) 2013: *The Greek Polis and the Invention of Democracy: A Politico-cultural Transformation and its Interpretations*. Oxford.
- Arnason, J.P., Raaflaub, K.A., Wagner, P. 2013: Introduction. In: J.P. Arnason et al. (eds), *The Greek Polis and the Invention of Democracy: A Politico-cultural Transformation and its Interpretations*. Oxford, 1–18.
- Balot, R.K. (ed.) 2009: *A Companion to Greek and Roman Political Thought*. Malden–Oxford.
- Benveniste, É. 1995: *Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov* [The vocabulary of the Indo-European institutions]. Moscow.
- Бенвенист, Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.
- Buck, R.J. 1990: Group Voting in Boiotia. *Ancient History Bulletin* 4, 3, 61–64.
- Campbell, B., Tritle, L.A. (eds) 2013: *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford–New York.
- Cartledge, P., Edge, M. 2009: «Rights», Individuals, and Communities in Ancient Greece. In: R.K. Balot (ed.), *A Companion to Greek and Roman Political Thought*. Malden–Oxford, 149–163.

⁴⁰ По истории политической мысли см. Rowe, Schofield 2005; Balot 2009; по военной истории: Campbell, Tritle 2013; атлетика и зрелища: Christesen, Kyle 2014.

⁴¹ В качестве примера укажем на сравнительно новые работы А.Б. Егорова о политической системе Римской республики, которые написаны так, как будто в последние 20–25 лет не было ни горячих дискуссий, ни новых исследовательских подходов по римской «демократии» (Egorov 2009; 2010; 2013).

- Champion, C.B. 2007: *Empire by Invitation: Greek Political Strategies and Roman Imperial Interventions in the Second Century B.C.E. Transactions of the American Philological Association* 137, 255–275.
- Christesen, P., Kyle, D.G. (eds) 2014: *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Malden–Oxford.
- Connolly, J. 2007: *The State of Speech: Rhetoric and Political Thought in Ancient Rome*. Princeton.
- Early, C.L. 2009: *Popular Participation in the Late Roman Republic*. PhD Thesis. Victoria University of Wellington.
- Egorov, A.B. 2009: Antichnaya demokratiya i rimskaya politicheskaya sistema (antichnye i sovremennye politicheskie teorii) [Ancient democracy and Roman political system (ancient and modern political theories)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2: Istoriya* [Journal of St.-Petersburg University. Series 2: History] 4, 34–47.
- Егоров, А.Б. Античная демократия и римская политическая система (античные и современные политические теории). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История* 4, 34–47.
- Egorov, A.B. 2010: Rimskoe narodnoe sobranie. Pravovoi status i vlastnye polnomochiya [Roman People's Assembly. Legal status and authority]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Ser. 2: Istoriya* [Journal of St.-Petersburg University. Series 2: History] 2, 59–72.
- Егоров, А.Б. Римское народное собрание. Правовой статус и властные полномочия. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История* 2, 59–72.
- Egorov, A.B. 2013: Antichnaya demokratiya i rimskaya politicheskaya sistema (antichnye i sovremennye politicheskie teorii) [Ancient democracy and Roman political system (ancient and modern political theory)]. *Mnemon* 13, 207–226.
- Егоров, А.Б. Античная демократия и римская политическая система (античные и современные политические теории). *Мнемон* 13, 207–226.
- Flaig, E. 2003: *Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft in alten Rom*. Göttingen.
- Flower, H.I. (ed.) 2014: *The Cambridge Companion to the Roman Republic*. 2nd ed. Cambridge.
- Gagarin, M. 1986: *Early Greek Law*. Berkeley.
- Gagarin, M. 2005: The Unity of Greek Law. In: M. Gagarin, D. Cohen (eds), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge, 29–40.
- Gagarin, M. 2008: *Writing Greek Law*. Cambridge.
- Harris, W.V. 1979: *War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 BC*. Oxford.
- Hölscher, T. 1997: Immagini dell'identità greca. In: S. Settis (a cura di), *I Greci: Storia, cultura, arte, società. 2. Una storia greca. II. Definizione*. Torino, 196–231.
- Hopkins, K. 2009: The Political Economy of the Roman Empire. In: I. Morris, W. Scheidel (eds), *The Dynamics of Ancient Empires: State Power from Assyria to Byzantium*. Oxford, 178–204.
- Hoyos, D. (ed.) 2013: *A Companion to Roman Imperialism*. Leiden.
- Jehne, M. 2000: Jovialität und Freiheit: Zur Institutionalität der Beziehungen zwischen Ober- und Unterschichten in der römischen Republik. In: B. Linke and M. Stemmler (eds), *Mos maiorum: Untersuchungen zu den Formen der Identitätsstiftung und Stabilisierung in der römischen Republik*. Stuttgart, 207–235.
- Jones, J.W. 1956: *The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction*. Oxford.
- Kudryavtseva, T.V. 2008: *Narodnyy sud v demokraticeskikh Afinakh* [The popular court in democratic Athens]. St. Petersburg.
- Кудрявцева, Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.
- Loraux, N. 1981: *Les enfants d'Athéna. Idées athéniennes sur la citoyenneté et la division des sexes*. Paris.
- Millar, F. 1998: *The Crowd in Rome in the Late Republic*. Ann Arbor.
- Morgan, C. 2003: *Early Greek States beyond the Polis*. London–New York.
- Morris, I. 1987: *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State*. Cambridge.
- Morris, I. 1992: The Early Polis as City and State. In: J. Rich, A. Wallace-Hadrill (eds), *City and Country in the Ancient World*. London–New York, 25–59.
- Morris, I. 2004: Equality and the Origins of Greek Democracy. In: E.W. Robinson (ed.), *Ancient Greek Democracy: Readings and Sources*. Oxford, 45–74.
- Morstein-Marx, R. 2004: *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambridge.
- Mossé, C. 2013: The Demos's Participation in Decision-making: Principles and Realities. In: J.P. Arnason et al. (eds), *The Greek Polis and the Invention of Democracy: A Politico-cultural Transformation and its Interpretations*. Oxford, 260–273.
- Mouritsen, H. 2001: *Plebs and Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge.
- Ober, J. 2009: Public Action and Ritual Choice in Classical Greek Political Theory. In: R.K. Balot (ed.), *A Companion to Greek and Roman Political Thought*. Malden–Oxford, 70–84.

- Ostwald, M. 1986: *From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law: Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens*. Berkeley.
- Raaflaub, K. 1985: *Die Entdeckung der Freiheit: Zur historischen Semantik und Gesellschaftsgeschichte eines politischen Fundbegriffes der Griechen*. München.
- Raaflaub, K.A., Ober, J., Wallace, R.W. 2007: *Origins of Democracy in Ancient Greece*. Berkeley.
- Robinson, E.W. 1997: *The First Democracies: Early Popular Government outside Athens*. Stuttgart.
- Rosenstein, N., Morstein-Marx, R. (eds) 2006: *A Companion to the Roman Republic*. Malden–Oxford.
- Rowe, C., Schofield, M. (eds) 2005: *Cambridge History of Greek and Roman Political Thought*. Cambridge.
- Runciman, W.G. 1991: Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end. In: O. Murray, S. Price (eds), *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxford, 347–367.
- Scheidel, W. 2009: Sex and Empire: A Darwinian Perspective. In: I. Morris, W. Scheidel (eds), *The Dynamics of Ancient Empires: State Power from Assyria to Byzantium*. Oxford, 255–324.
- Sinclair, R.K. 1991: *Democracy and Participation in Athens*. Cambridge.
- Smyshlyaev, A.L. 2003: Narod, vlast', zakon v pozdnerespublikanskom Rime (po povodu kontseptsii F. Millara) [People, authority, law in late-republican Rome (on F. Millar's conception)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3 (246), 46–60.
- Смышляев, А.Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара). *ВДИ* 3 (246), 46–60.
- Smyshlyaev, A.L., Odegova, E.A. Problema «rimskoi demokratii» v sovremennoi zarubezhnoi istotografii [The problem of «Roman democracy» in contemporary foreign historiography]. In: V.V. Dementieva (ed.), *Antichnaya istoriya i klassicheskaya arkhologiya* [Ancient history and Classical archaeology]. Moscow, 64–78.
- Смышляев, А.Л., Одегова, Е.А. Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии. В кн: В.В. Дементьева (отв. ред.), *Античная история и классическая археология*. М., 64–78.
- Snodgrass, A.M. 1981: *Archaic Greece: The Age of Experiment*. Berkeley.
- Stark, I. 2002: Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Betrüger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen. In: A. Ercoloni (Hg.), *Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie*. Stuttgart–Weimar, 147–167.
- Steel, C., Blom, H. van der (eds) 2013: *Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome*. Oxford.
- Stewart, R. 2012: *Plautus and Roman Slavery*. Malden–Oxford.
- Storey, I. 1998: Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes. *Classics Ireland* 5, 85–134.
- Surikov, I.E. 2006: Adam i... Adam (K voprosu o spetsifike gendernykh roley v usloviyakh antichnogo grecheskogo polisa) [Adam and... Adam (On the specific character of gender roles in the conditions of the ancient Greek polis)]. *Adam i Eva* [Adam and Eve] 12, 23–47.
- Суриков, И.Е. Адам и... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного греческого полиса). *Адам и Ева* 12, 23–47.
- Surikov, I.E. 2007: Dinamika gendernoy situatsii v aristokraticeskikh i demokraticeskikh Afinakh [The dynamics of gender in aristocratic and democratic Athens]. *Adam i Eva* [Adam and Eve] 14, 87–112.
- Суриков, И.Е. Динамика гендерной ситуации в аристократических и демократических Афинах. *Адам и Ева* 14, 87–112.
- Surikov, I.E. 2010: Grecheskiy polis arkhaischeskoy i klassicheskoy epoch [Greek polis of the Archaic and Classical periods]. In: V.V. Dementyeva, I.E. Surikov (eds), *Antichnyy polis: Kurs lektsiy* [Ancient polis: A course of lectures]. Moscow, 8–54.
- Суриков, И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. В кн: В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (ред.), *Античный полис: Курс лекций*. М., 8–54.
- Surikov, I.E. 2012: Polis, logos, kosmos: mir glazami ellina. Kategorii drevnegrecheskoy kul'tury [Polis, logos, cosmos: the world by the Hellene's eyes. Categories of Ancient Greek culture]. Moscow.
- Суриков, И.Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.
- Surikov, I.E. 2013: Afiny v VIII–VII vekakh do n.e.: stanovleniye arkhaischeskogo polisa (K voprosu o stepeni spetsifichnosti «atticheskogo varianta») [Athens in the eighth and seventh centuries B.C.: emergence of an Archaic polis (To the problem of the degree of specificity of the «Attic way»)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 23–43.

- Суриков, И.Е. Афины в VIII–VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта»). *ВДИ* 4, 23–43.
- Sykutris, J. 1928: *Der demosthenische Epitaphios*. *Hermes* 63, 1, 241–258.
- Tandy, D.W. 1997: *Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece*. Berkeley.
- Tatum, W.J. 2009: Roman Democracy? In: R.K. Balot (ed.), *A Companion to Greek and Roman Political Thought*. Oxford, 214–228.
- Wallace, R.W. 1989: *The Areopagos Council, to 307 B.C.* Baltimore.

Alexander V. Makhlayuk

Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod, Russia
makhl@imomi.unn.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for
Humanities (14-21-20003)

А.В. Махлаюк,

доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории
древнего мира и классических языков
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Igor E. Surikov

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

isurikov@mail.ru

И.Е. Суриков,

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
76/2 (2016), 489–496
© The Author(s) 2016

Вестник древней истории
76/2 (2016), 489–496
© Автор(ы) 2016

СУЛЛА И ЗРЕЛИЩА (Из новой литературы)

В последние годы не иссякает поток литературы, посвященной жизни и деятельности Луция Корнелия Суллы. В ней несколько чаще, чем прежде, стало уделяться внимание такому важному аспекту его деятельности, как зрелища, которые, в свою очередь, играли куда большую роль в жизни людей того времени, нежели современных.

В 2002 г. в журнале «Historia» была напечатана статья Дж.С. Сьюми «Зрелища и общественный имидж Суллы»¹. Последний, как отмечает автор, «концептуализировал выгоды от своей победы и связывал их с римским народом с помощью разного рода символов (*tableau of symbols*), которые основывались на его саморепрезентации» (с. 414). Важнейшую роль в пропаганде Суллы занимали *felicitas*, *Salus rerum*, *concordia*, а ее важнейшим средством были зрелища – триумф, игры, пиры, наконец, церемония погребения Суллы.

Felicitas – важная «добродетель» полководца, ибо она – свидетельство благосклонности богов. Но существовала также трактовка слова *felix* как «плодородный», «изобильный». «Как *arbor felix* может принести щедрый урожай, так же и Сулла *Felix* способен обеспечить материальное изобилие и процветание римского мира» (с. 416).

Зрелища, связанные с победой Суллы, демонстрируют то, как он преподносил эти идеи римскому народу. В данном смысле весьма показателен его триумф, состоявшийся в январе 81 г. до н.э. Он продолжался два дня и состоял из двух разных *romae*, что имело место во времена торжеств Тита Фламинина и Эмилия Павла, а для той поры было и вовсе редкостью, параллелью может служить разве что двойной триумф Мария над кимврами и тевтонами. Сулла же праздновал победу над 1) Митридатом VI и 2) самнитами и Марием Младшим, т.е. один день – для прославления побед в Греции, второй – в Италии. (Такая «множественность», по мнению автора, послужила образцом

¹ Sumi 2002, 414–432.